

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Крайние МЕРЫ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Крайние меры

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Крайние меры / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Журналиста убили, а его труп привязали к метеорологическому шару, который и унес тело далеко за пределы Москвы. Ни следов, ни улик. Полковники МУРа Лев Гуров и Станислав Крячко выясняют, что любопытный журналист сунул нос в дела фирмы «Русский зодчий», главный бухгалтер которой тоже убит весьма экстравагантным способом. Сыскари взяли след, но тут в дело вмешивается глава «Русского зодчего». Он самостоятельно вычислил убийцу и... попал в их лапы. Ситуация форс-мажорная, значит, и действовать надо соответственно...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Крайние меры

Пролог

Этот воскресный вечер полковник Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД РФ, решил посвятить давно откладываемому, но настоятельно требующему выполнения делу. Руководство ВАМВД им. Дзержинского, где он читал курс «Тактика оперативной работы», обратилось к нему с просьбой срочно прочесть для слушателей академии лекцию, посвященную тридцатипятилетию ГУ МВД, приходящемуся на этот год.

Кому же, как не ему, одному из лучших сыщиков помянутого управления, рассказать о его славном пути? Тем более срочно...

Начальник ГУ, близкий друг Льва Гурова, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов, узнав об этом, загорелся идеей и отдал Льву прямой приказ: лекцию подготовить, славный путь отразить!

Заниматься таким не слишком привычным делом, как сочинение лекции, в управлении – это дохлый номер. Заест текучка, будут отвлекать без конца, не дадут сосредоточиться. То ли дело – вот так, дома, не торопясь, вдумчиво и с расстановкой.

Чашка свежесваренного кофе источала ароматный парок, настольная лампа бросала мягкий боковой свет на клавиатуру «Пентиума». Ничто не мешало работе, которая все больше увлекала Гурова. Лекция получалась интересной!

Конечно, сыскному делу в России не тридцать пять лет от роду, а чуть ли не все четыре-ста. Если, конечно, считать с того момента, когда молодая жена великого князя Василия Ивановича, в недалеком будущем – мать Иоанна Васильевича Грозного, Елена Васильевна Глинская стала патроном ею же созданной Разбойной Избы при Высокой Боярской Думе.

Как и ее гнуснопрославленный сыночек, отличалась Елена Васильевна Глинская редкостной стервозностью в сочетании с редкостными же умом и железной волей. Так что очень солоно пришлось тогдашним московским «криминальным авторитетам»!

Много славных имен вписано было с тех пор в историю российской криминалистики. Но никогда отечественный сыск не достигал таких вершин, как в начале прошлого века, перед октябрьским переворотом.

На международном съезде криминалистов, проходившем в 1913 году в Швейцарии, русская сыскная служба была признана лучшей в мире. Такие российские асы сыска, как И.Д. Путилин или А.Ф. Кошко, пользовались непрерываемым международным авторитетом, их неоднократно просили о помощи в расследовании запутанных дел и сенсационных преступлений соответствующие службы Франции, Бельгии, Австро-Венгрии, Германии, Великобритании.

Про Путилина ходила подлинная, но похожая на легенду история. Когда из Венского полицей-президиума на его имя в Петербург пришла донельзя официальная бумага с просьбой содействовать поимке знаменитого австрийского шулера, якобы отправившегося на гастроли в Северную Пальмиру, он отписал австрийским коллегам, что, по его, Путилина, агентурным данным, разыскиваемый ими международный жулик мирно проживает... в родной Вене. А затем указал его точный адрес, время выходов из дома на преступный промысел, важнейших подельщиков и все прочее. И ведь оказался совершенно прав!

Кстати, разработанную начальником Московской сыскной полиции, заведующим уголовным розыском Российской империи Аркадием Францевичем Кошко систему сыска все-

цело перенял потом знаменитый Скотланд-Ярд. Когда после октябрьского переворота Кошко был вынужден эмигрировать во Францию, англичане, памятуя об уникальном сыском таланте генерала, предложили ему возглавить исследовательский отдел британской сыской полиции. Но Кошко отказался. Великий русский сыщик умер в Париже в 1928 году. По слухам – от голода...

Да и за советские времена стыдиться не приходилось. Целое созвездие ярких имен: Потапов, Якимов, Собачников... Это только в Москве! А Ленинград? А провинция? Есть, есть чем гордиться русским сыщикам! Славные предшественники были у Гурова.

Но «нельзя объять необъятное», вспомнил Лев бессмертную максиму Козьмы Пруткина. Довольно исторических экскурсов, пора переходить ко дню сегодняшнему.

Тут возникла некоторая заминка. Гуров оторвался от клавиатуры компьютера, задумчиво посмотрел на пустую кофейную чашку. Скромность проклятая заела!

Дело в том, что рассказать о делах управления за последние двадцать лет, не помянув всю дорогу себя любимого, а также своего заместителя и ближайшего друга, старшего оперуполномоченного полковника Крячко, никак не получалось! Самые громкие дела, самые остроумные оперативные ходы... Они со Станиславом, случалось, спасали друг другу жизнь, а такая связь двух людей даже выше, чем дружба, она – самая крепкая. Потому что держится на совместно пролитой крови, как своей, так и вражеской. Недаром знаменитая пара Гуров – Крячко числилась любимцами генерал-лейтенанта Орлова, его преторианской гвардией. Петр Николаевич Орлов ценил Гурова и Крячко, прежде всего, как людей умных, надежных, как настоящих профессионалов. Должности и звания – дело наживное!

«Сам себя не похвалишь – дураком помрешь», – весело подумал Гуров. – Из песни слова не выкинешь. Эх, отцветай, моя черешня! Сейчас распишу в подробностях, какие мы со Станиславом Васильевичем молодцы. Под чутким руководством Петра Николаевича Орлова. Который, прочитав мое творение, вставит мне клизму на полведра со скипидаром и битой стеклотарой. За саморекламу и зазнайство».

Лев, посмеиваясь, вновь склонился над клавиатурой.

Звонко щелкнул замок входной двери.

«Маша пришла, – с радостью подумал Гуров. – Надо же, значит, вечерний спектакль уже полчаса как закончился! Быстро время пролетело, я совсем не заметил... Нет, здорово эта работа увлекает!»

Его жена, Мария Строева, известная актриса, подошла к Гурову, ласково взъерошила волосы на затылке мужа:

– Трудишься, писатель новоявленный? Как успехи?

– Очень устала? – ответил Лев вопросом на вопрос. – Давай вместе кофейку попьем, я тоже отдохну. А то с непривычки к такого рода деятельности мозги в штопор закручиваются. Я все больше протоколы сочинять мастак. Расскажешь, как спектакль, что в театре нового.

– Нового? – переспросила Мария. – Знаешь, есть одна неприятная новость, я как раз с тобой поговорить хотела. Как бы она не по твоему ведомству. У тезки твоего, Левы Рашевского, младший брат пропал. Леонид.

– Это у главрежа вашего? С которым ты постоянно собачишься?

– Не преувеличивай, – возмущенно сказала она. – Мы люди творческие, нам без этого нельзя. Кстати, наши отношения к делу не относятся. А младшего брата Лев очень любит, волнуется за него... Сегодня, как речь об этом зашла, у него так сердце прихватило, что я уже хотела «Скорую» вызывать.

– Скажи толком, что за «дело»? Что значит «пропал»?

– То и значит, что вышел шесть дней тому назад, двадцать третьего февраля, на праздник, утром из дома – и как в воду канул. Ни слуху ни духу. Может, займешься этим, ну... поищешь его, что ли?

Гуров неопределенно хмыкнул. Почесал в затылке.

– Маша, милая, ты не совсем по адресу. Я, конечно, сыщик, но поисками наших пропавших сограждан совсем другие люди занимаются. Потом, знаешь ли, неделя... Это не срок! Может, он запил в компании случайно встреченного школьного друга. У друга на хате. Бывает. Тем более повод прекрасный – День Советской Армии, или как он теперь называется? Мужской день? До чего глупо звучит! Или, может, он вообще на Канары с любовницей подался. Много чего может быть. Я так понял, что больницы, морги и все такое прочее родственники уже проверили? Бюро регистрации несчастных случаев? Приемное отделение института Склифосовского? Вот видишь! Трупа-то нет, так что...

– А тебе обязательно нужно, чтобы труп, – саркастически заметила Мария. – Без трупов тебе прямо жизнь не мила, пальцем пошевелить неохота! Лев, Восьмое марта через неделю. Считай, что, проявив заинтересованность в поисках Рашевского-младшего, ты уже начинаешь делать мне подарки!

– Ну... придумаем что-нибудь, – вяловато откликнулся Гуров. – Поговорю я завтра с ребятами из отдела поиска. Или послезавтра, словом, как встречу кого из них. Нет, правда, встречу – и поговорю. Или через Димку Лисицына... Вот увидишь, братец твоего главрежа до того времени сам объявится. Да поговорю, успокой своего Леву!

– Врешь ведь, Гуров, – печально улыбнулась она. – Забудешь ты о моей просьбе, потому как не проникся. Считаешь блажью и чушью, недостойной внимания короля сыска. Вот если бы это я на неделю бог весть куда исчезла, тогда да, тогда б тебя проняло! Кстати, «мой Лева» – это все-таки ты.

«Родство душ, бытовая телепатия, – покаянно подумал Гуров. – Это, конечно, замечательно. Но иногда Маша видит меня насквозь до такой степени, что это даже угнетает. Ладно, загляну утром к компьютерщикам. Если не забуду».

Однако на этот раз прогноз Марии Строевой не оправдался. Не забыл муж о ее просьбе. Не дали ему забыть.

* * *

Погода в то пятничное утро выдалась идеальная для зимней рыбалки: ночной ветер стих, и стало совсем тепло – не ниже минус пяти. Лучи февральского солнышка весело отсверкивали на тоненьком слое свежего ночного снега, чуть припорошившего замерзшую озерную гладь. Снежок затянул поверхность озера идеальным, нетронутым белым покрывалом. Рассветное солнце только-только поднялось над горизонтом. Запорошенные снегом кусты лещины, высокие береговые сугробы, небольшие елочки, росшие у самой кромки озера, отбрасывали глубокие голубые тени, по которым весело скакали солнечные зайчики отраженных кусками льда лучей. Высоко в зените, словно оттеняя ослепительную яркость февральского неба, висело маленькое серое облако.

Собственно, небольшой водоемчик, на лед которого выходил сейчас Вася Липатов, озером не являлся. Это была отшнуровавшаяся от Оки старица, которая в половодье соединялась протоками с материнским руслом. Но Липатову, молодому механизатору СельхозАООТ «Приокское», эти географические детали были по барабану, – главное, чтобы рыба водилась!

На душе у Васи прямо-таки весенние птички распевали! Вчера выдали наконец-то зарплату за декабрь прошлого года, сын – двухгодовалый Вовка – выздоровел от недельной ангины, зараза-теща уехала на месяц к старшей дочери в Пензу... Как тут не радоваться? Кроме того, Василий закончил ремонт своего старенького, но верного тракторишки «ХТЗ-200», и сейчас у него был законный отгул за сверхурочную работу, а впереди еще два выходных! Можно заняться любимым делом – подледной рыбалкой.

Сегодня он опробует две собственноручно отлитые и обточенные мормышки, «гробик» и «клопик». Магазинным мормышкам Липатов не доверял – какая у них уловистость, смех один... А вторую лунку пробьет под мотыля. Мотыль у него отличный, все завидуют, должно такое угощение серебряному карасю понравиться.

Ох, наловит он! Никому мало не покажется...

Без улова Вася не возвращался никогда, но сегодня его интересовал не столько улов, сколько желание вытащить нескольких серебряных карасей, их еще «буффало» называли. Рыба эта появилась в бассейне Оки сравнительно недавно, и повадки ее во многом оставались для Васи Липатова загадкой. Тем интереснее! А окуней на уху он по-любому надергает, а Светлана сварит, они с Вовкой окуневую уху очень любят. Да и Ефросинья Кузьминична довольна останется. Она избалованная, свежую рыбу не признает, зато как унюхает уху... Аж хвост от жадности дрожать начинает! Василий представил себе потешную усатую мордочку семейной любимицы, толстой трехцветной Фроськи, словно бы услышал ее басовитое мурлыканье, и на душе стало совсем уж хорошо.

Липатов поправил висящий за спиной рыбацкий ящик и пешню, с удовольствием подумал, что ему есть чем согреться ближе к обеду: в правом кармане ватных шаровар во фляжке из нержавеющей заодно поплескивалось грамм триста очищенного двойной перегонкой первача. Нет, жизнь действительно прекрасна!

Весело, хотя фальшиво, напевая марш фомищенских механизаторов «Эх, я на тракторе работал, деньги заколачивал! Рулевое колесо х... поворачивал!», Липатов направился к дальнему концу старицы, к давно присмотренной заводи. Там, в донной яме, под береговым ивняком точно должен стоять серебряный карась! Следы Васиных валенок четкой цепочкой отпечатывались на тонком слое выпавшего за ночь свежего снежка.

Но до вожаемой заводи Василий не дошел. Взгляд его вдруг зацепился за какой-то непонятный, совершенно чужеродный предмет почти в центре озера. Что бы это могло быть? Липатов подошел поближе.

Человеческая психика – забавная штука! Она иногда словно бы оберегает нас от слишком уж запредельной жути, отказывается порой пропускать в мозг наши ощущения. Василий в упор смотрел на загадочный предмет и никак не мог понять, что же он видит перед собой.

Зато, когда Вася Липатов понял... Лицо его сначала тускло посерело, как мокрая штучка, затем приобрело зеленоватый оттенок. Васин желудок скрутил мучительный рвотный спазм, сдержать который он не смог, и весь его завтрак оказался на озерном льду.

Перед Василием Липатовым лежал труп совершенно голого, если не считать короткого обрывка веревки, мужчины. Веревка глубоко врезалась в распухшую шею трупа. Лицо мертвеца было страшного багрово-синего цвета, с выпученными замороженными глазами и далеко высунутым насквозь прокушенным языком. А тело напоминало своей мертвенной белизной гипсовую отливку и казалось таким же твердым и хрупким. Самым же страшным, самым отвратительным показалось Липатову то, что одна из рук мертвеца валялась отдельно от тела, сломанная в локтевом суставе. Словно разбитая гипсовая статуя...

И ни капли крови!

Глава 1

Ночью подморозило, для начала марта в Москве это дело обычное. Туман, со вчерашнего полудня накрывший столицу мутной молочной пеленой, осел на стенах домов, на решетках оград, на ветвях деревьев игольчатыми сверкающими кристалликами; свет утреннего солнца весело преломлялся в их гранях. Встречая первый день календарной весны, огромный город словно бы прихорашивался, загодя готовился к женскому празднику.

Дышалось непривычно легко – как если бы в московском воздухе совсем не осталось выхлопных газов и прочей дряни. Будто бы в зимний лес попал, а не стоишь посредине громадного мегаполиса.

Гуров решил добираться на службу пешком. Последнее время его «Пежо» дымил как паровоз и усиленно жрал масло. Лев подозревал, что запали поршневые кольца. Да и шаровые шарниры передней подвески давно уже не в порядке. Пора к Станиславу за помощью обращаться.

«Друг и соратник» Гурова, полковник Станислав Васильевич Крячко, был автолюбителем столь высокого уровня, что уже мог считаться не любителем, а настоящим профессионалом. Когда расследование у друзей не шло, работа стопорилась, Лев ехидно подкалывал Крячко, говоря, что, когда за профнепригодность их погонят из органов, Станислав, во всяком случае, без куска хлеба не останется. За возможность получить такого шофера и автослесаря все столичные таксопарки передерутся. Крячко, который отличался превосходно развитым чувством юмора, в таких случаях начисто его утрачивал и шутки друга не поддерживал: автомобили и все, что с ними связано, – это вам не хиханьки-хаханьки!

Неторопливо шагая по Никитскому бульвару, Гуров прокручивал в уме «расписание занятий» на этот понедельник, первый день весны. Ничего экстренного. Последнее дело на выезде в один из южных губернских центров они со Станиславом успешно завершили, остались мелочи с отчетностью. Может быть, он даже сумеет выкроить час-другой и заняться составлением экзаменационных вопросов по «Тактике оперативной работы» – ему через месяц у курсантов академии зачет принимать. Конечно, их шеф, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов, в любой момент мог осчастливить своих гвардейцев чем-то новым и заковыристым, к этому надо быть готовым. Посмотрим, что он на оперативке утренней скажет...

Проходя по коридору первого этажа, Гуров вспомнил о вчерашней просьбе Марии. Он свернул направо и открыл дверь с табличкой «Группа обработки электронной информации».

– Рад видеть вас, подельники Билла Гейтса! – весело поздоровался Гуров. – Как, бродилки-стрелялки не надоели еще? Все уровни прошли, всех монстров перегребали?

В ответ раздался нестройный хор приветствующих его голосов: в отделе Льва Ивановича знали и очень уважали. Гуров подошел к терминалу, за которым сидел его приятель – молодой, но чертовски талантливый Дмитрий Лисицын. Он относился к Гурову с колоссальным пиететом и несколько раз серьезно помог Льву и Станиславу в расследовании весьма запутанных дел.

– Тебе, Дима, персональное «Здравствуйте», – улыбнулся Лев, пожимая руку компьютерщика. – Я с небольшой просьбой. Ты ведь хорошо знаешь наших поисковиков из отдела розыска пропавших? Я так и предполагал. Не в службу, а в дружбу: свяжись с этими ребятами, пусть посмотрят свои базы данных – не появлялась ли там за последнюю неделю фамилия Рашевский. Звать его Леонид Исаевич. А ты, как время будет, прокачай через свою машину оперсводки из райотделов за тот же срок, вдруг где всплывет. И со своими коллегами из ГИБДД свяжись – может, Рашевский у них засветился. Если что найдешь, позвони мне в кабинет.

– Нет проблем, Лев Иванович, – кивнул Лисицын. – Что, новое дело раскручиваете? Только что-то мне странно: вы – и розыск пропавших... Не ваш калибр! Это очень срочно?

Рашевский что, подозреваемый? Если он хоть раз в поле нашего зрения попадал, то мне легче искать будет, по дополнительным модулям.

– Это навряд ли, чтобы попадал. Знакомый жены, точнее, знакомый ее знакомого, и вроде бы он пропал, – с некоторой досадой отозвался Гуров. Он кивнул в сторону сидящей за соседним терминалом темноволосой Галочки, невесты Лисицына. – У тебя когда с Галиной регистрация? Через неделю? Надо же, прямо под праздник, примета хорошая. Придем с Крячко поздравить... Так вот, после года семейной жизни ты, Дима, накрепко усвоишь, что просьбы жены лучше выполнять, особенно перед Восьмым марта. Я люблю свою жену, а за любовь надо платить. Вниманием, Дима, чутким отношением, понятно? Что до срочности... Хорошо бы до обеда, я не думаю, что это займет много времени. Почти наверняка ты ничего не найдешь, и тогда я с чистой совестью порекомендую супруге успокоить своего знакомого. Он, кстати, главный режиссер Машиного театра, так что пару контрамарок на ближайший спектакль я вам с Галочкой в клюве принесу.

– Привет, сыщик! – поздоровался Гуров с «другом и соратником», заходя в их кабинет, тесноватый для двоих, но привычный, обжитой и уютный. – С раннего утра трудишься, как пчелка? Хвалю... Есть что-нибудь интересное? Как выходные провел?

Станислав, держа в одной руке дымящуюся сигарету, другой лениво пощелкивал «мышкой» их «Пентиума». Он сортировал накопившиеся сообщения по e-mail. По молчаливому уговору эта рутинная ежедневная работа – разборка «мыла» – была возложена на Крячко. Гуров же занимался оперсводками по Москве и области, сканировал пресс-релизы ближайших к столице губернских центров и служб УИН. Ничего не попишешь: информационное обеспечение в наше время – основа основ. Пусть даже девяносто девять процентов окажутся пустой породой, но ради одного, который вдруг да бросит неожиданный свет на разрабатываемое дело, стоило разгрести информационные завалы.

– Интересного полный ноль, – меланхолично отозвался Крячко, – а выходные... Звал же я тебя с Марией на лыжную базу, зря не согласились. Еще неделя, и все потечет. До следующего года уже на «Динамо» не выберешься.

– На оперативку к Петру вместе пойдем? – поинтересовался Гуров. – Коль тебе лень и неохота, то можешь в кабинете оставаться, расскажу потом. Если мне Димка Лисицын позвонит по «внутряшке», то запиши сообщение, я там его слегка озадачил.

– Так не будет сегодня утренней оперативки. Мне Верочка с полчаса назад позвонила, сказала, что шефа на расширенную коллегию министерства пригласили. Ближе к вечеру, когда он отойдет маленько, заглянем к нему, узнаем, что нового. Что-то я по Капитану Флинту соскучился, да и Верочка приглашала на какие-то особые коржики. А кофе у нее всегда отличный.

«Ну-ну, – усмехнулся про себя Гуров, – ишь, коржиков тебе на халяву захотелось! „Заглянем к нему...“, ага, если он сам к нам до того не заглянет. С чем-нибудь... гм-м... эксклюзивным».

Верочкой звали секретаршу генерала Орлова, а Капитаном Флинтом желтенькую птичку – канарейку, точнее, кенара, подаренную Верочкой шефу. Сначала генерал от подарка шараялся, но вскоре проникся, привязался к милой пичуге... Орлов нарек ее грозным пиратским именем и жил теперь с Капитаном Флинтом душа в душу, деля на двоих свой служебный кабинет.

Что касается «отойдет маленько», то тут Станислав был прав на все сто! Любые контакты с начальством, которого над ним было не так уж много, меняли настроение Петра Николаевича не в лучшую сторону. Начальство всегда найдет, к чему придраться! А генерал Орлов знал себе и своим подчиненным цену. Если он был уверен в собственной правоте, то на компромиссы не шел, стоял на своем до конца, невзирая на ранг начальства: министр там, не министр... Тем более что министры то и дело менялись, а ГУ во главе с генерал-лейтенантом Орловым стояло незыблемо.

Лисицын позвонил сразу после обеда, когда Гуров в деловой текучке успел забыть о своей просьбе.

– Лев Иванович? – услышал он в трубке какой-то слишком ровный и спокойный голос Дмитрия. – Кажется, придется мне вас огорчить... Леонид Исаевич Рашевский, точнее, как ни печально, его труп сейчас в отделе специальной судмедэкспертизы на Воздвиженке. Я это раскопал, вообще говоря, случайно, через муровскую оперативную базу данных, у меня есть выход к ним. Еще знаю только, что труп доставили в Москву утром в субботу, из Серпуховского района, а обнаружили его около деревеньки Фомищево, это между Серпуховом и Чеховом. Как у нас выражаются, «с признаками насильственной смерти», надо понимать, убийство несомненное. Вы свяжитесь с медэкспертами, они должны хоть какие-то подробности знать. Уж извините, что информация такой поганой оказалась...

– Что это ты с лица сбледнул? – поинтересовался Крячко, когда Лев опустил трубку на рычаг. Выслушав Гурова, Станислав сочувственно похлопал его по плечу: – Лев, не бери все к сердцу и чаще сплевывай. Печально, конечно, и Маша расстроится, но... на кладбище живя, по всем покойникам не наплачешься.

Лев зачем-то вызвал на дисплей «Пентиума» карту Серпуховского района, щелкнул «мышкой», увеличивая масштаб до уровня тактической двухверстки, нашел Фомищево.

«Вот, значит, где он сыскался, – подумал Гуров, внимательно разглядывая фрагмент карты на экране. – А убили его тоже там, или?... Впрочем, не мое это дело, я не частный детектив, у меня своих забот полон рот. Сейчас позвоню Маше, сообщу... И все на этом. Пусть она как-нибудь осторожно брата подготовит, ему, видимо, еще ничего не известно. Эх, жизнь... Мы все чего-то ждем, а в конце каждого ждет деревянный ящик. А все же интересно: кто его, за что, когда и где? Профессиональный рефлекс...»

– Знаю я эти места, – сказал Крячко, взглянув из-за плеча Гурова на карту. – Приокский биосферный заповедник, а раньше там охотничьи хозяйства ЦК КПСС были. Всего сто пятьдесят километров от Москвы, но леса дремучие, как триста лет назад. Если еще чуть взять в сторону Оболенска, километров тридцать, то начинается настоящая, классическая глушь, где и Соловью-разбойнику в одиночку станет не по себе. Я не понаслышке знаю – доводилось там рыбачить пару раз. Какого, любопытно, рожна его туда занесло, Машиного знакомого?

– Сам ума не приложу, – с досадой сказал Гуров, уже набирая номер мобильного жены. – Ох, я сейчас Марию «порадую»! А она – своего главрежа...

Однако «всего на этом» у Гурова не получилось: тема смерти Леонида Рашевского совершенно неожиданно всплыла в разговоре с генералом Орловым, когда сыщики, по настоянию Крячко, напросились-таки на кофе с коржиками.

– Веруня, здравствуй, красавица! – приветливо поздоровался Гуров, заходя в приемную. Крячко сопел у него за спиной. – Как там наш наиглавный, пришел в себя после свидания с министром или все еще строг и суров? А то свалились на голову изголодавшиеся сыскари... Это все Крячко, как ты про коржики проболталась, так удержу на Станислава Васильевича нет!

– Скажете тоже, Лев Иванович. – Верочка даже покраснела. – Кого-кого, а вас со Станиславом Васильевичем шеф всегда рад видеть. И я тоже. Очень! Сейчас кофе свежий приготовлю.

Выражение ее живого лица сохранило что-то от девочки-подростка. Веселая, порывистая, легкая, с острым, как бритва, язычком, Верочка стала в управлении всеобщей любимицей сразу, как только заняла свое место перед «святой святых» – дверью генеральского кабинета. Петру Николаевичу Орлову она была предана беззаветно и фанатично, считая его самым умным, самым храбрым и вообще самым-самым из всех. А в полковника Гурова, возможно, чуточку и чисто платонически влюбилась...

Друзей встретила роскошная канареечная трель с форшлагами и раскатистый басок генерал-лейтенанта Орлова:

– Флинт, смотри-ка, кто пришел! Ну, здравствуйте, сыщики! Станислав, если без курева совсем немоготу, то давай к форточке. Капитану Флинту табачный дым вреден. Мне? Мне – полезен, хоть врачи утверждают обратное, но как-нибудь потерплю. Лева, милый мой, что это у тебя вид такой кислый, точно ты лимон без сахара жуешь?

Выслушав Гурова, генерал как-то странно хмыкнул и, помолчав некоторое время, подошел вплотную к нему, потрепал по плечу и сказал самым душевным тоном:

– Рашевский, говоришь? Леонид Исаевич? Знакомый супруги, значит? Ах, брат ее главрежа, понятно... Ну, Лева, не обижайся: за язык тебя не тянули. А я-то голову ломаю – кому бы поручить разобраться с этим дрянным триллером? Знаешь, на ловца и зверь бежит. Ловец в данном случае я. А зверь... сам догадайся. Так что тебе придется заняться этим делом.

– Но, – растерянно попытался возразить Гуров, – это ведь даже не Московская область! Тульская... При чем тут...

– Наше родное управление и лично ты? – с ходу подхватил Орлов. – До чего я понятливый стал, аж самому противно: прямо мысли у своих подчиненных читаю. Во-первых, область все же Московская, стыдно географию не знать. На границе с Тульской, это – да, но не в том загвоздка. Трудился убиенный Рашевский в Москве, вот в чем дело. И не где-нибудь, а на ниве СМИ. Журналист-многостаночник. Он вел одно время «криминальную страничку» на одной из московских радиостанций, «Молодая Москва», кажется, публиковал в столичных газетах репортажи и аналитические обзоры по проблемам преступности и прочее. Вроде бы рекламой занимался последнее время. Широко известен в узких кругах. Был. А убили его столь нетрадиционно, жутко и загадочно, что дошла эта информация до самого верха. Ну да, до министра. Как раз сегодня утром прозвучало из начальственных уст на коллегии, что, мол, слишком часто стали журналистов гробить, а те из них, кто по недоразумению еще остался жив, обливают милицию помоями: дескать, не чешутся менты. Я, вообще говоря, с министром согласен. Рано или поздно коллеги убитого Рашевского пронюхают, и начнется свистопляска. Хорошо еще, если не дойдет до запроса от Думы... Разнообразие ради, надо бы хоть одно такое преступление раскрыть. Чем и поручено заняться ГУ МВД. Теперь все ясно? «Висяков» на тебе со Станиславом сейчас нет, и раз уж ты сам про Рашевского заговорил, то, значит, судьба. Тебе и карты в руки. Вам, точнее. Вы же со Станиславом как в детском стишке: «Мы с Тамарой ходим парой...»

– Понял, – кивнул Гуров. – То-то меня после звоночка Димки Лисицына предчувствие не оставляло, что по-любому не миновать мне этой смертью заняться. Убили, говоришь, нетрадиционно? А подробности можно?

– Это не ко мне, а к парням из Серпухова, – возразил Орлов. – Так, разве что в первом приближении, о чем министр на коллегии говорил... Видишь ли, покойный Рашевский в министерскую сводку попал из-за необычности серпуховского патологоанатомического заключения: причин смерти может быть целых три. Именно поэтому его перебрали к нам, на Воздвиженку, чтобы уточнить детали. Он был удушен – на шее обрывок веревки; замерз до смерти, причем при очень низкой, ниже минус тридцати температуре; наконец, все кости переломаны, словно его в бетономешалку засунули. Или как при падении с большой высоты. Тут всякого рода леденящие душу подробности, вроде отколовшейся правой руки. К тому же очоченый труп был совершенно голым. А кисти рук были скручены за спиной мотком проволоки, почему отколовшаяся рука и не отлетела черт знает куда. Каково, а? Говорю же – натуральный фильм ужасов. Его, труп то есть, местный паренек обнаружил. Шел порыбачить на озерцо и... наткнулся. Так министр рассказывал, что, когда серпуховские сыскари подъехали по вызову, парня из-под кровати вытаскивать пришлось. Нет, убивать тремя способами, это, как хотите, перебор.

– Ни фигушеньки себе! – присвистнул Крячко. – Прямо как Гришку Распутина. Того тоже и стреляли, и травили, и топили, и еще чего-то.

– Как получилось, что его так быстро опознали? – спросил Гуров генерала. – Ведь ни документов, ничего, да еще за сто с лишним верст от дома...

– Самому любопытно, – живо ответил Орлов. – Что-то с кровью у него нетипичное, уточни на Воздвиженке. Сегодня поедешь туда?

– Н-нет, – подумав немного, ответил Лев. – Поздно уже. Завтра утром. Никуда ни труп, ни эксперты не денутся. Сегодня вечером я хочу с его братом поговорить. Откуда Рашевский-старший узнал, что убитый ушел из дома именно двадцать третьего? Откуда знал, что тот больше не появлялся? Дай-ка трубочку, Петр.

Гуров снова набрал номер мобильного жены.

– Маша? Знаешь, получилось так, что убийство Рашевского-младшего будем расследовать мы со Станиславом. Я так понял, что жил Леонид один, и самый близкий родственник у него как раз старший брат. Мария, мне необходимо встретиться с ним уже сегодня. Где его можно найти, в театре? Так, понял. Значит, после того как ты ему сообщила о смерти Леонида, он уехал домой... Понятно, какие уж тут репетиции... Диктуй адрес. Вот как, самый центр... Удачно! Маша, не стоит так волноваться, я буду максимально деликатен. Это я только с виду бревно бревном.

В кабинет вошла Верочка с подносом, на котором исходили ароматным парком три чашечки кофе, а в центре располагалось блюдо со знаменитыми домашними коржиками.

– Стас, твоя колымага на ходу? – спросил Гуров, рассеянно вертя коржик в руках. – Отлично. Сегодня отдыхай, собирайся с силами, а завтра спозаранку езжай-ка в Серпухов. Не так уж далеко, всего около сотни километров по шоссе Москва – Симферополь. Я? Я на Воздвиженку, к экспертам. Часа в три встретимся здесь, глядишь, что-то прояснится. Твоя задача – разузнать все в подробностях от местных Пинкертонов. Пусть, кстати, передадут тебе протокол осмотра, а все фотоматериалы скинут нам по e-mail. Обязательно поинтересуйся, как это они так быстро установили, чей перед ними труп. Если дорога позволяет, то доберись до Фомищева, расспроси паренька, который первым обнаружил тело. А сейчас допиваем кофе, и подбросишь меня к Никитским воротам. Нет, вдвоем мы к режиссеру не пойдем, как-нибудь один справлюсь. Я с ним все же знаком, хоть и шапочно.

Станислав Крячко изменил бы своей натуре прирожденного хохмача, если бы не прокомментировал предложенную Гуровым диспозицию.

– Ну, мать честная, обычная история, – со слезой в голосе обратился он к Орлову, – как с творческой интеллигенцией поговорить или с умными экспертами, так Лев Иванович, а как с нашим братом ментом, да еще за сто верст от Москвы, так это ко мне. Петр, ты мне бензин оплатишь? Тогда ладно. И, кстати, – обернулся он к Гурову, – не смей называть мой автомобиль колымагой! Для нас с «мерсиком» непроходимых дорог не существует, так что в Фомищево я загляну, можешь не сомневаться.

«Мерседес» Станислава Крячко, бог знает какого года издания, был настоящим раритетом. Стас упорно не хотел расставаться с этим престарелым образчиком немецкого автомобилестроения и пересесть на что-нибудь поновее. Он утверждал, что у его машины есть бессмертная душа не хуже человеческой, что он относится к своему хозяину как к другу и в трудную минуту его, Крячко, не выдаст. И ведь не выдавал, несколько раз вытаскивая Льва и Станислава из очень суровых передраг.

...Выйдя из крячковского «мерса» у Никитских ворот, Гуров не торопясь пошел по Тверской в сторону Пушкинской площади.

На ходу Лев вспоминал, что ему известно из рассказов жены о человеке, с которым сейчас ему предстоит разговаривать на такую печальную тему, как насильственная смерть младшего брата.

Один из самых перспективных и талантливых театральных режиссеров столицы. Сам не москвич, провинциал, приехал в Москву из Саратова около десяти лет назад, вдрызг разру-

гавшись с главрежем тамошнего драмтеатра, широко и скандально известным в российских театральных кругах Александром Бзюкуном.

Гуров улыбнулся, вспомнив детали Машиного рассказа о ссоре двух творческих личностей. Лев Рашевский вступился за горячо любимого им Чехова после того, как Бзюкун взялся за постановку «Чайки».

Та еще вышла постановочка, мно-ого она в свое время шума наделала.

Гвоздем сценического решения спектакля стала натянутая перпендикулярно рампе волейбольная сетка. По одну ее сторону режиссер-новатор расположил Аркадину, по другую – Нину Заречную. Обе были в купальниках-бикини. То еще зрелище... А на судейской вышке сидел, облаченный во фракную пару оранжевого цвета, Костя Треплев со свистком в зубах. В руках у него был армейский карабин времен штурма Перекопа.

Актрисы перебрасывались волейбольным мячом, к которому были присобачены два картонных крыла. Мяч изображал чайку. Время от времени «чайка» после неловкого движения героинь улетала в зрительный зал на радость публике. Спектакль имел бешеный успех, аншлаг следовал за аншлагом, а что Антон Павлович Чехов в гробу на манер вентилятора вертится, никого, кроме Льва Рашевского, не волновало. Словом, «созрели вишни в саду у дяди Вани...», а оборвали сад вишневый три сестры... Даешь свежее сценическое прочтение классики!

В Москве Лев Исаевич Рашевский неожиданно пришелся очень ко двору, стремительно пошел на подъем и три года тому назад стал главрежем театра, в котором играла Мария Стрелева. С ней у них отношения складывались сложно, но эти люди взаимно уважали друг друга.

Гуров пару раз встречался со своим тезкой на премьерах его спектаклей, как-то Лев Рашевский даже был приглашен Марией к ним в гости. В целом режиссер вызывал у Гурова искреннюю симпатию.

Гуров миновал хорошо знакомый скверик с фонтаном, который никогда не видел работающим, и свернул в Сытинский переулок. Так, ему нужен дом номер десять. Вот он, этот дом.

* * *

Этим утром, в то время когда генерал Орлов сидел на коллегии министерства, проходило еще одно совещание. Руководство ООО «Русский зодчий» собралось на Малой Дмитровке в кабинете председателя правления Степана Владимировича Белоеда.

Председателю правления было шестьдесят лет от роду, но, видимо, прожил он эти годы так, что выглядел лет на десять моложе. Взгляд его живых серых глаз сохранял здоровую ясность, руки – силу, память оставалась изумительной. Может быть, сказалось то, что всю жизнь Степан Владимирович занимался спортом, а на академической «двойке» дошел в свое время аж до серебряной медали всесоюзного первенства. Он регулярно бегал кроссы, зимой моржевал, и хоть довольно много курил, не отказывался от хорошей русской пьянки в дружеской компании, но форму сохранял завидную.

О Белоеде отзывались иногда, как о человеке со странностями. Так ведь все люди со странностями. А если никаких странностей нет, то это никакой не человек, а ходячий покойник. Таких сейчас в избытке развелось.

Со «своими» Степан Владимирович нередко бывал грубоват и резковат, но грубость его казалась немного наигранной, ненастоящей и никого не пугала, не чувствовалось в ней хамства и высокомерия.

Зато ощущалась в нем спокойная самодостаточная властность, полная уверенность в своих силах и в том, что все принимаемые им решения не просто верны, но единственно возможны. Без такого качества, без готовности взять на себя бремя ответственности настоящим лидером не станешь, а Степан Владимирович, бесспорно, был прирожденным лидером. Однако

любая палка о двух концах, а у медали имеется обратная сторона. Была такая сторона и у этих лидерских черт характера.

Смысл жизненной философии Белоеда сводился к немудреной формуле: «Живи сам и давай жить другим». Но с сильным логическим ударением на слове «сам» в этой фразе.

Дело в том, что для людей сходного с Белоедом психического склада невыносима мысль, что они действуют вынужденно, под давлением обстоятельств или, что еще хуже, что ими манипулируют другие. «Я поступаю так-то и так-то потому, что хочу этого. А если даже не хочу, то считаю свои действия разумными, целесообразными, единственно верными. Я сам так решил. Я не пешка в чужих руках, я – игрок!» Утрата такой позиции ведет людей подобного типа к потере самоуважения, ломает их. Быть чьим-то инструментом, подчиняться чужой насильствующей воле? Никогда!

Но вот сейчас Белоед чувствовал, что из него словно бы стержень вытащили. Это ощущение тягостного бессилия стало за последние полгода почти привычным для Степана Владимировича. Справляться с ним удавалось лишь ценой постоянного нервного напряжения, жесткого самоконтроля.

Однако он дико устал. Металл – и тот устает, что уж о человеке говорить!

Степан Владимирович обвел людей, сидящих перед ним, невеселым взглядом запавших глаз. Пора сказать собравшимся горькую правду. Он попытался было улыбнуться, но получилось плохо...

Вот сидит напротив него Саша Забугин. Главный инженер ООО «Русский зодчий» и близкий друг. С Александром они начинали раскручивать дело. Сейчас он, как и сам Степан Владимирович, под подпиской о невыезде.

На лице Забугина проглядывало то хорошо знакомое Белоеду сочетание отрешенной забывчивости пополам с угрюмой сосредоточенностью, которое так характерно для постзапойного состояния. Ни с чем не перепутаешь! Покрытая двухдневной щетиной кожа на его лице неопрятно, по-индюшачьи отвисла. И упрекнуть Саню язык не поворачивается – тут запьешь, пожалуй! Белоед тяжело вздохнул и перевел взгляд дальше.

А вот его заместитель, второй человек в «Зодчем», Рада Георгиевич Бояновский. Македонец, которому после распада Югославии в родном Скопье не сиделось.

Внешность у Бояновского запоминающаяся. Очень коротко постриженные светло-русые волосы. Жесткие черты лица, выступающий квадратный подбородок. Глубоко посаженные холодные глаза голубовато-серого цвета. Четкий рельеф мышц, предполагающий значительную физическую силу.

Его лицо было из тех, на которых совершенно невозможно представить улыбку. А сегодня Рада Георгиевич Бояновский вовсе выглядел мрачно, как надгробный памятник.

Рядом с Бояновским его «адъютант» и главный технолог «Зодчего», тоже македонец, молодой, да ранний Иван Погняновский. Который непосредственно виноват в том, что случилось в июне прошлого года, и из-за чего Белоед с Забугиным вполне могут оказаться за решеткой.

«Впрочем, – подумалось Белоеду, – искать виновных в подобных ситуациях, когда неожиданная пакость уже стряслась, – занятие затягивающее и увлекательное, однако бесперспективное. Но принято думать, что виновного надо если не наказать, то, по крайней мере, обнаружить.

А если все понемногу виноваты? В разгильдяйстве хотя бы...

И каждый, так же понемногу, окажется прав и не прав, – продолжал внутренний монолог Степан Владимирович, – может быть, самым правым станет тот, кто не поддастся обвинительному азарту, не станет терять времени, а займется исправлением ситуации. Беда в том, что все мои попытки ее исправить, увы, провалились, точно наталкиваясь на чью-то целенаправленную злую волю. – Степан Владимирович поймал себя на том, что попросту неспособен

или, того хуже, не решается додумать эту мысль до логического конца. – Неужели журналист в какой-то степени прав и нас душили специально, не чураясь прямых диверсий? В голове не укладывается. Нет-нет, это – уже полная паранойя».

А вот его главный бухгалтер, Валера Егоров. Белоед с грустью посмотрел на него. Отличный специалист, умница. Настоящий помощник! Вспомнить только, какие немалые суммы он умудрялся скрывать от налоговиков и аудиторов в многочисленных проводках... Опыт, характер, – все при нем. Масса полезнейших знакомств и связей. Но что-то с Валерием серьезно неладно. Настороженная мнительность, недоверчивость и даже некая злобноватая капризность буквально сквозила последний год во всем поведении Валерия. Словно какая-то тайная боль, лютая тоска грызли его душу. Словно раздирал Егорова загнанный глубоко в себя внутренний конфликт.

– Я собрал вас, – начал глухим голосом Степан Владимирович, – чтобы сообщить: нам конец. Контора благополучно преставилась. Это уже не просто неприятности, это – катастрофа, крах. Наши счета в «Промстройбанке» и обществе взаимного кредита арестованы. Нашим активам – кранты, а кредита нам никто не даст, даже под самый грабительский процент. Нечем его обеспечивать. Нам перекрыли кислород, нас попросту душат. Я не хочу обманывать ни себя самого, ни вас. Придется собраться с силами и заглянуть в завтрашний день. Увы, ничего хорошего я там не вижу. Валерий, сколько налички в сейфе?

– Около десяти штук в баксах и тысяч тридцать «деревом».

– Мы должны расплатиться с тремя бригадами, провести расчет с «субчиками». – Белоед грустно улыбнулся. – После чего распродать все офисное оборудование и разбежаться в разные стороны. На это нам достаточно недели, много – двух. Денег на зарплату мне и вам уже не хватит, не обессудьте.

– Субподрядчики могли бы подождать, – недовольно возразил Бояновский. – Войти в наше тяжелое положение.

– Чего, интересно, подождать?! – прорвало председателя. Степан Владимирович даже лицом потемнел. – Пока нас с Сашей не упекут в кутузку? А это может случиться хоть завтра. Следствие по делу о происшествии в Бибиреве почти закончено. Дело вот-вот передадут в суд, а нам денег даже на приличную взятку не наскрести. Это еще великое счастье, что обошлось без трупов! Счастье, что я сумел отмазать Ивана! По данным следствия, раствор в Бибиреве меси́ли не один хотя бы к четырем, а как бы не один к семи! Чистый песочек получается! А куда же подевался цемент? Значит, украли? Но ведь и красть надо с умом, а не пятьдесят процентов. На одном песочке раствор не держит, это не куличики на детской площадке лепить!

– Я цемента не крал, – мрачно, стиснув зубы, заявил Погняновский. – И работы не крали. Еще большой вопрос, насколько добросовестно и объективно они провели экспертизу! За строительство объекта на Череповецкой улице отвечал лично я. Хотя я благодарен вам за то, что вы спасли меня от тюрьмы, но эти ваши намеки...

Степан Владимирович только рукой махнул...

А затем Белоед вспомнил тот кошмарный июньский день во всех деталях. Разве такое забудешь!

...Обширный антициклон, громадная масса перегретого воздуха неподвижно нависла над Подмосковьем с начала второй декады июня.

Столица колыхалась в дрожащем знойном мареве, поднимающемся над раскаленным асфальтом. Асфальт размягчился: каблучки женских босоножек оставляли в нем заметные ямки. Запыленные листья безвольно поникли, они свисали с прибитых зноем деревьев тусклыми серо-зелеными тряпочками, а некоторые уже начали сворачиваться по краям в ржавые сухие трубки. Тридцать восемь в тени вторую неделю – это, как хотите, перебор! Даже неугомонные московские воробьи прекратили свои свары, куда-то попрятались. Облезлые бродячие шавки неподвижно, словно дохлые, валялись в затененных углах московских дворов. У них

не осталось сил даже блох выкусывать. Уже десятый день подряд обезумевшее солнце с утра взбиралось на выцветшее от зноя белесое небо и палило, палило, палило столицу. Горели леса и торфяники в приокской пойме, но ветер пока дул с севера, на Серпухов и Тулу. Страшно было подумать, что случится, если он сменит направление на южное. Тогда всю гарь горящих лесов и тлеющих торфяников понесет на Москву. Развернется ад крошечный.

Густой неподвижный воздух, настоянный на запахах выхлопных газов и разогретого асфальта, создавал ощущение тревожной духоты. Тревожно было и на душе у Степана Владимировича.

Белоед в тот день уехал на самый юг Москвы, в Бирюлево, где два звена от субподрядчиков варили бункерную разгрузочную эстакаду под громадный склад на Загорьевской улице, – работа, требующая высочайшей квалификации. Вот он лично эту квалификацию и проверит, да, пожалуй, и сам тряхнет стариной.

Степан Владимирович Белоед не всю жизнь просидел в руководящем кресле, он был отличным сварщиком, имел шестой разряд, и ему хотелось самому взять в руки держак и показать бригаде настоящий класс, а заодно отвлечься от тяжелых мыслей, от которых в конторе некуда было деваться. Здесь-то он король! Он владеет всеми мыслимыми видами сварки: и термитной, и аргонодуговой, он даже вольфрамовым электродом работать может! Только вот с руководством ООО «Русский зодчий» получается совсем не так хорошо, как с держакom или горелкой.

Положение «Русского зодчего» серьезно пошатнулось за последний год. А самое главное – любовно лелеемая Белоедом идея о создании МАМСФ – Московской ассоциации малых строительных фирм, «мамки», как он в шутку ее называл, – упорно пробуксовывала, словно бы специально кто палки в колеса ставил!

После того как их три раза подряд «кинули» с окончательным расчетом на строительстве элитных особняков для «новых русских», заплатив только по смете и ни копейкой больше, с финансами тоже возникли острые проблемы, главбух Егоров ходил как в воду опущенный.

Положение складывалось плохое, однако не безнадежное. Оставалась незапятнанная репутация, а это многого стоило. Налоговая инспекция пока что их не трогала. Спасти «Русский зодчий» могла солидная сумма «черным налом». Или огромный долгосрочный кредит под невысокие проценты.

«Но это невозможно, – подумал Белоед тогда. И тут же возразил сам себе: – Отчего же? Маловероятно, что получится быстро, да. Безумно сложно – бесспорно. Но... Возможно, черт побери! И я даже знаю, у кого я возьму этот кредит. Неприятно, но ничего не попишешь. А Сергей мне не откажет. Во-первых, однокашник по ташкентскому политеху, а во-вторых, – раз уж он навязал мне своих македонцев... Пусть выручает! Кстати, Сергей давненько не напоминал о себе. Это, вообще говоря, странно».

Он уже переоделся в сварочную робу, привычным жестом закинул кабель на плечо и приладил к вилке держака электрод, как вдруг запищал мобильник, с которым Степан Владимирович не расставался.

В голосе Ивана Погняновского, раздавшемся из телефонной трубки, звучал настоящий ужас.

– Владимирович! Шеф! Страшное несчастье! Рухнули три секции особняка, который мы строим на Череповецкой в Бибиреве! Я отсюда звоню, тут... такое! Не выдержали ригели рам, посыпались балки перекрытий. Здесь милиции полно...

– Жертвы... есть человеческие жертвы? – Ноги Белоеда ослабли. У него закололо в висках, лицо вмиг сделалось блее мела. – Все живы, строители не погибли? Отвечай, сучий потрох!

Сейчас он уже не мог вспомнить, как меньше чем за час добрался в противоположную точку столицы, в Бибирево. Затмение на него тогда какое-то нашло... Но этот «меньше чем...», уж точно, стоил Белоеду нескольких лет жизни!

Жертв, к счастью, не оказалось, лишь двух каменщиков слегка придавило, когда рухнула одна из стен. Им выплатили хорошую компенсацию, скандал удалось почти замять, правда, ценой тяжелых финансовых потерь – заказчик выжал из «Русского зодчего» максимум. Но...

Ни о какой незапятнанной репутации «Русского зодчего» после такого происшествия речи быть не могло! Кто станет связываться со строительной фирмой после такого позора! Началось следствие.

И вот теперь все кончено! Не удалось ему создать МАМСФ, даже свое ООО «Русский зодчий» Белоед на плаву не удержал.

Он еще раз оглядел лица своих сотрудников, тяжело поднялся из-за стола и направился к выходу. Было одно незавершенное дело: Белоед хотел еще раз встретиться с журналистом Леонидом Рашевским, который занимался рекламным обеспечением «Русского зодчего». Их последний разговор неделю назад был очень странным. Пугающим и в то же время дающим Белоеду тень надежды. Леонид Исаевич Рашевский чуть ли не прямым текстом заявил тогда Белоеду, что и обрушение в Бибиреве, и еще целый ряд бед и чрезвычайных происшествий – это никакие не случайности! Его, Белоеда, и ряд других небольших строительных фирм, вроде «Артели» Димы Николаева, целенаправленно топят!

По словам Рашевского, у него были доказательства, и он подозревал, кто стоит за этим черным делом. Но Белоеду он пока этого не скажет, необходимо уточнить ряд деталей, без которых его обвинения зависнут в воздухе. А вот в конце недели... Тогда он раскроет Белоеду глаза на некоторые несообразности, на то, что творится у Степана Владимировича под самым носом.

Однако на встречу, которую они назначили на четверг, журналист не явился. Не встретились они и в пятницу, а телефон Рашевского не отвечал на вызовы. И теперь у Степана Владимировича появилось неприятное сосущее чувство: а не стряслась ли с Рашевским какая беда? Леонид был симпатичен Белоеду, и строитель не на шутку волновался. Кроме того, вдруг журналист действительно раскопал что-то очень важное, объясняющее все напасти, свалившиеся на «Русский зодчий»? Как знать, может быть, положение можно еще поправить?

Сейчас он заедет в редакцию радиостанции «Молодая Москва» и узнает домашний адрес Рашевского. Да и вообще, должны же они знать, куда пропал их сотрудник! Может, он просто захворал или запил, такое тоже исключать нельзя. Журналист, личность творческая, богема... Они все квасят не хуже строителей!

Глава 2

– Дашь закурить, сыщик? – спросил Гуров у Станислава, заходя в свой кабинет. – Давно ты из Серпухова вернулся?

– Ну, раз начальство просит закурить, – Крячко протянул Льву мятую пачку с верблюдом, – значит, у него любопытные новости. Приехал я полчаса назад, вот сижу, тебя поджидаю. А сигареты свои покупать надо, – с ехидцей добавил он.

– Бедностью попрекать грешно, – весело отозвался Лев, – а уж забывчивостью – тем более. Кто начнет рассказывать о своих достижениях, ты или я? Давай я, чтобы в хронологическом порядке. Итак, пришел я вчера к Рашевскому-старшему...

В глазах Льва Рашевского плавала боль, лицо побледнело и осунулось. Но он сумел-таки собраться с силами.

– Почему я уверен, что брат пропал именно двадцать третьего? Потому что он звонил мне и сказал, что завершает какую-то важную работу, журналистское расследование. И с тех пор – ни звука! Леонид жил один, на Большой Ордынке. Двадцать пятого я зашел к нему, потому что меня взволновало его молчание. Дверь заперта, а соседи по двору – там такой старомосковский дворик – на мой вопрос ответили, что с праздника свет в окошке Леонида ни разу не зажигался. Он ведь человек очень талантливый, – Рашевский сглотнул ком в горле, – был... Но и очень безалаберный, чтобы не сказать более резко, хоть о покойниках и не принято. Но из песни слова не выкинешь, Лев Иванович! Брат одно время сильно пил... да просто нормой стали пьяные кутежи и скандалы. И вращался он в ту пору в основном среди богемы: все больше непризнанные гении – журналисты, писатели, поэты, художники, музыканты... Запросы у каждого – куда там Иосифу Бродскому, а вот с реализацией полный пшик. Словом, то, что называется «разгульный образ жизни». Но не подумайте, даже тогда оставались в нем очень хорошие черты: брат любил помогать людям, щедр был, когда деньги заводились в кармане, раздавал их прихлебателям не считая. Обожал делать подарки. А главное – Леонид всегда был повышенно, болезненно чуток к тому, что считал несправедливостью, и в таких случаях бросался в бой очертя голову, – Рашевский помолчал, горестно прикрыв глаза. – Затем он долго и трудно лечился... Уже здесь, в Москве. Я боялся, что на праздник он сорвался, и этот кошмар начался сызнова. Я сам далеко не святой, но я старше его на десять лет и после смерти наших родителей чувствовал ответственность за Леонида. Ведь это я вытащил его пять лет тому назад в Москву, в Саратове, без меня, он стопроцентно спился бы. Алкоголизм похож на хищного зверя, полковник! Некоторым удастся его приручить, хотя до конца он не приручается никогда. Леониду удалось сделать это лишь отчасти. А, о чем я говорю, когда он в морге! Пусть бы пил, пусть куролесил, лишь бы оставался живым.

Гуров сочувственно молчал, соглашаясь со своим тезкой.

– Ведь ему только-только исполнилось сорок пять, – с горестной интонацией произнес Рашевский. – И такая страшная, нелепая, загадочная смерть! И каким он, к шуту, расследованием занимался? Как его вообще занесло черт-те куда, в приокскую глушь, да еще в таком виде?! Ужас... Спрашивайте все, что считаете нужным.

– Вы знакомы с друзьями брата? – спросил Лев. – С коллегами по его работе, с кем-то из редакции? Меня интересуют его контакты. Особенно – за последнее время.

– Боюсь, что тут я вам плохой помощник. – Рашевский развел руками. – Слишком различались наши сферы общения. Тем более что последний год Леонид ушел из штата редакции на вольные хлеба. Точнее, его ушли. Стал внештатником. Корреспонденция туда, репортажик сюда, обзор еще куда-нибудь. Бежала коза через мосток, прихватила кленовый листок.

– Вот как? – удивился Гуров. – Это что же, в связи с его увлечением выпивкой? Но ведь он, по вашим словам, лечился?

– И это тоже. Он ведь продолжал выпивать, хотя не так катастрофично, как до лечения. Но не здесь главная причина. Леонид был очень гордый человек. Был... – горестно повторил Рашевский. – Он не любил, да и не умел гнуть шею перед начальством. Уцепились за один предлог, за другой... Где-то он и по женской части прокололся, перешел дорогу кому-то, имеющему в журналистских кругах большой вес. Ну, и... знаете, как это бывает?

Еще бы Гурову не знать!

«Другого человека так легко презирать и тиранить, особенно если он от тебя зависим, – подумал он. – Все мы – не ангелы, все полны пороков и недостатков, все грешны. Так что высидеть в собственных глазах над ближним своим – дело совсем нехитрое. А вот понимать людей, принимать их со всеми пороками, уметь взаимодействовать с ними – задача неизмеримо более сложная. Далеко не всякий начальник умеет, как, например, Орлов, это делать. Да и желание не у всякого появляется. Наверное, Леонид Рашевский и расследование свое затеял, чтобы утереть недругам нос, доказать, что он тоже чего-то стоит».

– Вот, кстати, вы упомянули о женщинах, – вернулся Лев от бесплодного печального философствования к интересующему его вопросу. – Была у вашего брата близкая женщина?

В глазах Льва Рашевского мелькнула тень неудовольствия.

– Если бы близкая! А то... Да, она работает там же, на радио. Извелся с ней брат. – Рашевский покривился, словно у него задержало зуб. – Дубравцева Татьяна Тарасовна. Я с ней слегка знаком, да и брат кое-что рассказывал. Мне она неприятна. Меркантильна до самого доньшка. Хищница. Женщины такого психологического склада отвратительны как жены или любовницы. Зато вдовы из них выходят... Закачаешься! Сами увидите, вы же наверняка захотите с ней встретиться. Он ее полусерьезно своей невестой называл. А она морочила Ленке голову. Я как-то раз сдуру пошутил, что, дескать, с такой невестой... На козу с нездоровым интересом поглядывать начнешь! Так брат обиделся смертельно, чуть не месяц со мной разговаривать не хотел. Очень серьезно он к ней относился, и сына Дубравцевой от первого брака, по-моему, любил. Вот так.

Гуров прошелся по кабинету, задумчиво посмотрел в окно, за которым танцевали редкие, но крупные снежинки. Затем повернулся к Станиславу:

– Вот такой получился разговор. Информации ценной – кот наплакал, зато яснее стал психологический портрет убитого журналиста. Рашевский-старший мне перед уходом пристально так в глаза посмотрел и говорит: «Лев Иванович, я наслышан о вашем высоком профессионализме. Я прошу вас – найдите тех, кто убил Леонида!» А мне никак не дают покоя его слова о каком-то журналистском расследовании, которым Леонид Рашевский занимался. Терпеть не могу, когда журналисты отбивают у нас хлеб и суются нечто расследовать. Такая самодеятельность часто заканчивается их трупами.

– Это точно. – Станислав закашлялся, поперхнувшись табачным дымом. – Что до психологических портретов... Нам бы еще малость вещдоков и улик в дополнение к психологии. Но, как ты любишь выражаться, они не грибы, на поляне не растут. А что на Воздвиженке судебные медики сказали?

– Причина смерти Рашевского – удушение. Проще говоря, его повесили на той самой веревке. Но вот потом... Труп был каким-то образом заморожен, да еще при весьма низкой – ниже минус сорока – температуре. Очень мелкие кристаллики льда во всех тканях. А потом, вдобавок...

– Я примерно догадываюсь, – перебил его Станислав. – Потом этот мерзлый труп сбросили с приличной высоты. Также непонятно, каким образом, а главное – зачем? Странно, что не вообще вдребезги. Но, замечу, сейчас на высоте пяти-шести тысяч метров как раз такая температура и наблюдается.

– Бред. Сюрреализм какой-то, – прокомментировал слова друга Гуров. – Но ничего более разумного в голову не приходит. Ты был там, на месте, где его обнаружили? Что там со следами? Не могли труп из Фомищева притащить? Да нет, конечно, что я дичь несу...

– А как же! Конечно, я там был. И с парнишкой, который на него наткнулся, разговаривал. «Вы можете точно показать место, – спрашиваю я его, – где вы обнаружили труп?» Он, бедный, затрясся, побледнел и отвечает: «Могу. Но не стану... Черта лысого я туда еще раз сунусь. Да ни за какие коврижки. И так по ночам не спится: как вспомню, что увидел тогда, так чуть не ору от ужаса». Еле уговорил.

– И что? Не разбегайся, прыгай!

– А ты посмотри сам. Сыскари из Серпуховского горотдела скинули нам по e-mail вполне приличного качества фотографии этого славного местечка, а я привез протокол осмотра. – Он взял со стола и передал Гурову два мелко исписанных листа. – Убедился? Нет там никаких следов, рядом с трупом. Хорошо заметно, потому что снежок лежит. Никто его туда не перетаскивал, разве что по воздуху.

– Н-да-а! – протянул Гуров, рассмотрев на экране фотографии. – Веселые картинки... Так вот посмотришь и начнешь понимать парнишку, которого чуть ли не из-под кровати доставать пришлось. Мы с тобой на своем веку всяких трупов навидались, а все равно тошнота к горлу подкатывает. И откуда же шло это, с позволения сказать, бомбометание? Небольшой самолетик? Вертолет? Мотодельтаплан?

– Очень сомневаюсь, – покачал головой Станислав. – Это, как ни крути, особый Московский ВО. После приснопамятного полета Руста с торжественным приземлением на Красную площадь что-то, а вопросы ПВО вояки отработали от и до. Система автораспознавания «свой – чужой». Не слишком-то сейчас над Подмосковьем летаешь, собьют без всяких запросов. Мало того! Не забудь, что Серпухов – город физиков. Ускоритель там или еще что-то в этом роде. Голицыно, Оболенск, Чехов – все эти городки расположены относительно недалеко от места, где нашли труп. В каждом из них по паре секретных институтов. Нет, сейчас у нас со всеми прежними недругами нежная взаимная дружба, но не до такой же степени, чтобы над подобным районом что-то свободно летало!

– Если не сам какой-нибудь сумасшедший военный летчик учинил эту пакость, – проворчал Лев, – скажем, на почве ревности. Его-то как «своего» распознали бы. Господи боже мой, что ж я опять какую ересь порю! Это я от злости и бессилия, не обращай внимания, Стас.

– Отчего же, – добродушно рассмеялся Крячко, – с летчиком-психом – это мысль! Только Орлову не скажи, засмеет. Но ты посмотри еще раз внимательно на фотографии! Труп Рашевского как упал, так и остался на месте падения, не сдвинувшись ни на метр. То есть, что бы ни тащило его там, на высоте, это «что-то» имело совсем небольшую горизонтальную скорость. Иначе у падающего мертвого тела была бы заметная горизонтальная составляющая скорости, и, упав, он проскользил бы по льду метра два-три, покуда бы эту составляющую не погасил. Но ничего подобного, никаких следов скольжения не видно. Так что самолеты-вертолеты отпадают, а мотодельтаплан в февральском небе при минус сорока с лишним градусах... Это не хуже сумасшедшего военного летчика, Лев!

– Будь я проклят, – недоуменно пробормотал Гуров, – если я хоть что-нибудь понимаю. Что, перефразируя Лермонтова, «по небу полуночи дьявол летел...»? Этак не торопясь, с невысокой горизонтальной скоростью... И нес в когтях труп Леонида Рашевского?! Баба-яга на ступе с помелом? Змей Горыныч, холера ясна? Инопланетные захватчики, скотомерзозиды с альфы Рогоносца? Кто или что его тащило на высоте пять километров?

– Не знаю. – Крячко достал еще одну сигарету, вопросительно посмотрел на Гурова. – Курить будешь? Успокаивает нервы... Ну, как хочешь, а я закурю. Крутится у меня в подсознании какая-то мыслишка вроде догадки. Но вот именно – крутится, а в руки не дается, зараза. Не могу за хвостик ухватить!

– Когда ухватишь, не забудь поделиться, – мрачным голосом произнес Лев. – Ну, ладушки, проехали эту станцию, а то от моих версий крыша съехать может. Ты выяснил, как серпуховцы настолько быстро определили, чей перед ними труп?

– А-а! Тут повезло, если только это слово применимо в данной ситуации. Там, в Серпухове, очень толковая медэкспертша. При наружном первичном осмотре она обратила внимание, что вены у трупа на руках явно носят следы уколов.

– Час от часу не легче! – охнул Гуров. – Так покойник не только выпивкой, но и ширевом баловался? Наркоман?

– Не перебивай! – досадливо сказал Станислав. – В том-то и штука, что медэкспертша сразу определила: не такие следы, не от «баяна», а от толстой иглы для переливания крови.

– Ну, точно! – хлопнул себя по лбу Лев. – Мне же сегодня на Воздвиженке об этом говорили! Он же донором был, ему до «почетного» всего несколько сдач осталось. Кровь какая-то очень редкая.

– Вот-вот. Она догадалась и сделала полный анализ крови. У Рашевского мало что четвертая группа с отрицательным резусом, что само по себе не так уж часто встречается, у него еще редчайший набор антигенов. Не знаешь, что это такое? Успокойся – я тоже не знаю. Но! Как только из Серпухова запросили центральную столичную станцию переливания крови, там пошарили по своим картотекам и базам данных, и через полчаса личность покойного была установлена. Медэкспертша мне потом сказала, что сто кубиков такой, как у Рашевского крови, сейчас стоят не меньше полусотни баксов.

– Учитывая то, что он был «на вольных хлебах», – понимающе кивнул другу Гуров, – это неплохое финансовое подспорье, сдают-то по четыреста кубиков за раз. Теперь кое-что проясняется.

Гуров снял трубку «внутряшки» и набрал номер генеральской приемной.

– Веруня? Как там шеф, очень занят или канареечное пение слушает в рабочее время? Да повидаться бы... Ага, спроси. Скажи, что полковники Гуров и Крячко так соскучились, что слезами умываются. Ждет нас? Отлично... Сейчас подтянемся, готовь кофеек.

– Ну и зачем напросился? – неодобрительно поинтересовался Станислав, подняв изумленно брови. – Хвастать пока нам нечем особо.

– Начальство, конечно, не стоит баловать, – улыбнулся Лев, – но Петр не только наш с тобой начальник, но вроде и друг, а? К тому же он в прошлом блестящий оперативник, да и сейчас хватку не потерял. Вдруг да посоветует чего умное? Кроме того, я не могу связаться с командованием ПВО округа, чтобы осведомиться – не летало ли там, над Окой, в известное время чего-нибудь такое... интересное. Астрономия у меня на погонах не та. Петр – может. О чем я его и попрошу. И еще: у меня в его присутствии начинают интенсивнее извилины шевелиться. Пошли, сыщик!

Генерал выслушал рассказ Гурова и Крячко внимательно, не перебивая. Затем подошел к клетке Капитана Флинта, ласково посмотрел на птичку.

– У-тю-тю, пиратик ты мой желтенький! – В баске Петра Николаевича явственно прозвучала нежность. – Пора нам с тобой, мне, в смысле, в отставку. На пенсию! Засядем на даче в Кунцеве или, еще лучше, запишемся в клуб любителей канареечного пения. Если два моих лучших сыскаря несут подобное, то куда я, как начальник управления, не годен. Триллер пополам с хоррором, да еще фэнтези приправлено! Нечистая сила у них по Подмоскovieю летает в сопровождении инопланетян и трупами журналистов пойму Оки бомбардирует. Словом, «над Окой... фигня летала серебристого металла. Много стало в наши дни неопознанной... фигни». Я же их учил, а они что?! Уши вянут. Значит, хреновый из генерала Орлова учитель... Причем заметь, Флинт, эти деятели почему-то считают, что я с командующим особым Московским ВО Министерства обороны на дружеской ноге. Прямо этой самой ногой дверь в его кабинет

открываю! А я, увы, до таких высот не дотягиваю. Не оправдываю их надежд! Говорю же, слаб в коленках, на покой пора, на пенсию, по всему выходит, что так.

Гуров и Крячко переглянулись.

«Это же уметь надо, – восхищенно подумал Гуров, – обругать себя так, что идиотами-то мы со Станиславом оказываемся!» А вслух сказал самым мрачным и расстроенным тоном:

– Намек твой весьма прозрачен, Петр Николаевич... Обидеть подчиненного – дело нехитрое. Спасибо, мы со Стасом кое-что поняли. Но слов произнесено много, а главного меж тем не сказано: посоветуй, что делать в этой распоганой ситуации. Куда нам плыть и каких берегов держаться?

– Один мой подчиненный, не из самых глупых, – ехидно усмехнулся Орлов, пристально глядя на Гурова, – любит повторять некую магическую фразу. Так я ее подчиненному переадресую: «Думать надо. Я не доктор, у меня готовых рецептов нет...» Комментарии нужны? Ах, не нужны... Тогда идите и работайте. Так, как вы умеете.

Гуров и Крячко понуро направились к двери генеральского кабинета.

– Постойте! – окликнул друзей генерал Орлов, сменивший гнев на милость, – Один совет я вам все-таки дам. Я не сомневаюсь, угробили Рашевского из-за того, что он что-то шибко... э-э... ароматное раскопал. Все остальные версии мотива преступления, вроде ревности, корыстных интересов и прочего не пляшут, это, надеюсь, вам понятно? Ордер на обыск я вам организую прямо сейчас, обыщите его хату на предмет материалов по тому, чем он последнее время занимался. Ну, книжки записные и прочее. Нет, я понимаю, что крупнокалиберный пулемет под кроватью и план захвата Кремля на письменном столе вы навряд ли обнаружите, но... Словом, поищите что-нибудь интересное. Если у него есть компьютер, то проведите анализ того, что там содержится. Здесь вам Дмитрий Лисицын поможет. И обязательно поговорите с этой, как ее, Дубравцевой. С пэвэошниками я, так и быть, свяжусь, хотя мы все понимаем – это пустышка! Не летали там «аппараты тяжелее воздуха», как это на официальном языке называется. А на меня, старика, за ехидство не обижайтесь. Удачи, сыщики!

* * *

А в это время бежевая «шестерка» Валерия Егорова, уйдя с МКАД по Варшавскому шоссе и миновав транспортную развязку на Каширской площади, повернула к центру, к Садовому кольцу.

Главный бухгалтер ООО «Русский зодчий», сидящий за рулем машины, хмуро улыбнулся самому себе. «Он все-таки сорвался с поводка! После сегодняшнего разговора все точки над і расставлены раз и навсегда. Вот только не поздно ли», – подумал он. Сделанного не воротишь... Радость освобождения в его душе смешивалась сейчас с острым осознанием своего ничтожества.

«Хоть получилась ли точка? – думал Егоров. – А не многоточие ли?»

Валерий Егоров, по крайней мере, перед самим собой, всегда претендовал на роль личности, свободной от любых моральных установок. Очень хотелось Егорову ощущать себя именно таким суперменом.

У него хватало ума надежно маскировать это свое желание, прятать его от других. Не надо никому навязывать свое мировоззрение. Не стоит громко декларировать свои позиции и принципы, тем более – такие. Нужно просто стараться жить в соответствии с ними. И тогда, в зависимости от того, как сложится жизнь, станет очевидной правота или ошибочность этих принципов.

Но, создав для себя целую доморощенную философию тотального цинизма, главный бухгалтер «Русского зодчего» тем не менее оказался изначально непригоден для ее применения

на практике. Философия стала лишь средством защиты от унижительного комплекса неполноценности.

Такое, кстати, случается значительно чаще, чем принято считать. Поскреби как следует прожженного циника, а под маской и проступит перепуганное лицо неуверенного в себе, замученного комплексами неврастеника. Верно и обратное. С виду вроде рубаха-парень, идеалист ясноглазый, а вот внутри такая чернота, что диву даешься!

Нет, оказалось, что чужое мнение было Егорову вовсе не так безразлично, как ему самому хотелось бы. Особенно мнение Степана Владимировича Белоеда.

О себе самом и речи нет, ведь в зеркало противно смотреться, так бы и заехал по этой мерзкой роже с лживыми глазами.

Человек вообще остается человеком лишь до тех пор, пока хотя бы подсознательно верит, что есть непереступаемые этические нормы, моральные законы, хотя бы те, что самим над собой установлены. Теряя эту веру, он теряет и самоуважение.

Он прекрасно помнил, как все началось. Его катастрофическое падение... Егоров всегда считал себя сильным, волевым человеком. Не без оснований: когда-то он с легкостью бросил курить, мог в безденежной юности неделями жить впроголодь, при необходимости по несколько ночей отказывался от сна, сохраняя при этом работоспособность... Не без душевной боли, однако решительно разорвал отношения с женой, узнав о ее курортном романчике.

Но вот справиться с неудержимой тягой к азартной игре, к рулетке и «Блэк Джеку» у него не хватило сил, стоило лишь попробовать один только раз!

Тогда, в самом начале, Валерию казалось, что он нашел хороший способ привнести хоть каплю движения в одуряющую монотонность и однообразие своей одинокой холостяцкой жизни. Нельзя же замыкаться лишь на работе, надо и расслабиться иногда... Затем, когда Егоров, ужаснувшись, попытался вырваться прочь из этого фантасмагоричного мирка к понятной и привычной обыденности, выяснилось, что поздно он спохватился. Валерий Егоров влип. Он попался прочно. А как все забавно начиналось!

В соответствии с известной поговоркой про новичков, ему несколько раз кряду крупно повезло в рулетку. Егоров радовался, конечно, однако при этом ясно осознавал, что надо вовремя остановиться, и не смог! При первом же проигрыше в его душе поднялась волна нестерпимого, острого раздражения, какой-то злой азарт, желание доказать судьбе, что он, Валерий Егоров, все равно сильнее ее.

Судьба такого к себе отношения не прощает. И понеслось, как салазки с горки...

Многие его знакомые хоть раз, да пытались поймать удачу в игре. Для большинства из них призыв крупье: «Делайте ваши ставки, господа!» – оказался лишь эпизодом. Но не для него!

Когда – а это случалось не так уж редко! – ему начинала «переть фишка», Валерий уговаривал себя: «Остановись. Не искушай судьбу. Вот сейчас выиграешь эти сто баксов, и хватит, прекращай немедленно. Ты свой план выполнишь, а сейчас не социализм, чтобы к перевыполнению стремиться. Забирай деньги, и в бар! Но не в этот, который на первом этаже, а в другой, подальше отсюда. Беги, уноси ноги, дур-рак!»

Нет! Не шли ноги, хоть тресни.

Как-то раз Егоров по совету товарища по несчастью – у него появились обширные знакомства в игорных кругах – такого же фанатика и мученика рулетки, в разгар зимы уехал на месяц к другу на дачу. Белоед тогда очень удивился, но просьбу Валерия выполнил – отпустил, не расспрашивая о причинах.

Егоров изнурял себя ежедневными десяти-пятнадцатикилометровыми лыжными кроссами, обливался холодной водой утром и перед сном, пачками, горстями лопал антидепрессанты и седативные препараты. Читал любимые книги.

Помогло. После этого он целых пять месяцев не подходил к казино. Но как-то раз тот самый человек, с которым он расстался полчаса назад, хитрым способом заманил его в игровой зал. Откуда ему стало известно о страсти Валерия? Ведь Егоров был так осторожен! Никто в «Русском зодчем» не догадывался о его «романе» с рулеткой, но этот страшный человек со змеиными глазами... О! Ему многое было известно...

Егоров не удержался. Сумасшествие азарта охватило его с новой силой. Он крупно проигрался раз, другой... Срочно потребовались деньги, причем немалые. И случилось то, что рано или поздно должно было случиться: Егоров начал «заимствовать на время» все более крупные суммы из бюджета «Русского зодчего». Его положение главного бухгалтера, его опыт и профессиональная хватка, казалось бы, гарантировали: все будет шито-крыто, никто ничего не заметит.

Но это только казалось! Человек со змеиными глазами давно и пристально следил за Егоровым и заметил... А, заметив, сдавил Валерия холодными удавьиными кольцами.

Валерий круто вывернул руль, перестраиваясь в другой ряд. Дворники сметали с ветрового стекла «шестерки» мелкие, по-весеннему мокрые снежинки. Егоров вновь горько ухмыльнулся, вспоминая детали недавнего разговора.

Хозяин особняка, встретивший его в холле первого этажа, был преисполнен любезности, но не скрывал своего удивления визитом Егорова. Только Валерий-то знал цену этому удивлению и всю степень его наигранности.

– Ты, кажется, хотел меня видеть, мой мальчик? – В его голосе прозвучал явственный оттенок иронии. – Позвонил вчера, говорил таким нервным, возбужденным тоном... Ну, изволь, я тебя слушаю.

– Слово «хотел» тут совершенно не подходит, – с кривой усмешкой ответил Егоров. – Встреча с вами мне удовольствия не доставит, как бы не наоборот. Но – что поделаешь – она необходима. И прекратите называть меня мальчиком!

– О-о! Показываешь зубки... И ведь не боишься старичка... Да ты проходи, садись в кресло, я тебя хорошим кофе напою. Коньяк не предлагаю, раз ты за рулем. Что там новенького у Степана Владимировича?

– А то вы не знаете, – огрызнулся Валерий. – Новенького... «Русскому зодчему» каюк. МАМСФ – тем более кранты. Чего уж теперь – вы своего добились.

– Не без твоей помощи, не так ли? – Вид у него был, как у сытого кота, которого хозяйка чешет за ухом. Вот-вот замурлычет. Только глаза... Ох, какие нехорошие глаза были у владельца особняка! Так глядят поверх прицельной планки, когда палец уже мягенько тянет спусковой крючок. – Ты ведь не из-под палки или пистолета мне... гм-м!.. помогал, чуть ли не радостно подвизгивая. Разве я не убедил тебя в своей правоте?

– Радостно?! Уж лучше б из-под палки! От боли я визжал. И от ужаса безысходности. Да о какой правоте может идти речь?! Это с вашими-то... методами! Но выбор средств давления у вас всегда был широкий. Я за эти два года прекрасно разобрался в вашем образе мысли, в вашей излюбленной тактике. Ведь как вы рассуждаете? Если переубедить нужного вам человека, заполучить его в свою команду добровольно окажется невозможным, то стоит попробовать подкупить его. Если не получится и это, то придется применить шантаж. Вот со мной вы его и применили. – Пальцы Егорова сжались в кулаки так, что даже кожа на суставах побелела. Затем разжались... – А потом согласно известному наблюдению: «Коготок увяз – всей птичке пропасть...» Но я вам не птичка, и теперь говорю: «Хватит!» И так мне из-за вас светит после смерти путь в самый последний круг ада.

– Это где предатели, да? Ну зачем же ты, Валера, так строго себя судишь! Да и... стоит ли того Белоед? Он же замшелость, реликтовое животное с допотопными принципами. Вот что, давай-ка все же выпьем по рюмочке «Ахтамара», успокоимся, и ты меня выслушаешь. Если мое

предложение придется тебе не по вкусу... Ну что ж! Разойдемся мирно, как цивилизованные люди. Ты заходи, заходи... Не стесняйся!

В глазах столь любезного хозяина особнячка мелькнула мгновенная холодная искра. Но Валерий Егоров ее не заметил. Он решил: согласиться на приглашение и выслушать то, что ему хотят предложить? Или уехать прямо сейчас? Лучше бы второе, но... Все же любопытно. Егоров кивнул и шагнул к лестнице, ведущей на второй этаж, в гостиную.

Но нет! Не получилось у них разговора. Егорова не оставляло ощущение, что его собеседник просто играет им, как кошка полужадушенной мышью, получая удовольствие от мучений жертвы. Это, кстати, очень хорошо укладывалось в его представления о человеке с глазами удава. Доходили до Валерия кое-какие слухи...

– Итак, работать со мной и на меня, ты, мальчик мой, не хочешь, – подытожил хозяин. Голос его сделался вкрадчиво-ядовитым. – А почему? Чем я так тебе не нравлюсь, а? Мы ведь, хм-м... в некотором роде партнеры уже два года, неужели это ничего для тебя не значит?

– Еще как значит! – Егорову надоело переливать из пустого в порожнее. Пора было заканчивать этот тяжелый и ненужный разговор. – Например, то значит, что эти два года я, благодаря вам, ходил по тонкой жердочке над пропастью. Без страховки. Но больше я так рисковать не намерен. И купаться в помоях – тоже. Поэтому... И учтите: у меня тоже есть чем прижать вас в случае необходимости. Причем не только сведениями о вашей лихой деятельности на строительной ниве, но и некоторыми небезобидными деталями вашей, скажем так, личной жизни. К пламенным поклонникам маркиза Донатьена Франсуа де Сада в России относятся не слишком тепло. Вы поняли меня? Вижу, что поняли. Так вот, не вынуждайте меня перейти к ответным действиям! Дайте, наконец, дышать свободно.

– По-онял я твой намек... – Вновь злая холодная искра мгновенно промелькнула в его взгляде. – Кстати, страховка на той самой жердочке у тебя была. Ты уцелел потому, что топил других. Ага, именно в помоях, ты тоже правильно меня понял. Теперь, значит, когда все кончено, потянуло на белые одежды? Ну-ну... Ах, если бы ты только знал, мой мальчик, какую глупость делаешь сейчас!

Егоров притормозил перед светофором. Ну и куда сейчас? Поворачивать на Малую Дмитровку? Нет, в контору он не поедет. Там и без него разберутся. Никого он сейчас видеть не хочет и не может, в особенности Белоеда. Смотреть сейчас в глаза Степана Владимировича, когда только что, под воздействием недавней встречи, со дна души Валерия поднялась вся муть и грязь двух последних лет, он не в силах. Завтра... Когда успокоится немного. А сейчас – домой. Отлежаться, подумать, до конца осознать, что ошейник больше не сдавливает горло, что гнилые корни давно сломанного зуба наконец удалены. Может быть, теперь начнется выздоровление? Валерий повернул налево, к Гагаринской площади.

Тоненькая биметаллическая пластинка, точь-в-точь такая же, как в самых обычных комнатных термометрах, испытывала сейчас два противоположных воздействия. Снизу пластинку обдувал холодный мартовский воздух, а сверху все больше прогревало тепло работающего двигателя «шестерки». Второе воздействие в конце концов пересилило: пластинка, в полном соответствии с законами физики, слегка изогнулась.

И замкнула контакт простейшей электрической цепи с одной батареей. Этого хватило. Более чем!

Бело-голубая струя термитного пламени за неуловимый миг прожгла тонкий стальной лист кузова «шестерки» точно под водительским сиденьем. Валерий успел чисто рефлекторно нажать на тормоз, и проколота огненной иглой машина, визжа покрышками по мокрому асфальту, юзом отлетела к обочине, где замерла, завалившись чуть набок и продолжая по инерции вращать свободным правым передним колесом. Больше Егоров не успел ничего – даже удивиться, даже почувствовать боль. Какая тут боль, когда снизу, через испаряющийся поро-

лон сиденья, в тебя бьет яростный поток раскаленных до трех тысяч градусов газов! Смерть его была мгновенной.

На счастье всех – и водителей, и пешеходов, – находящихся в эту страшную минуту рядом, пламя угасло так же неожиданно, как и возникло. Ни пожара, ни взрыва. Многие из очевидцев кошмара даже толком не успели разглядеть – что же произошло? Секундная яркая вспышка, громкий свистящий звук... И все! Только ленивый дымок да запах гари, окалины, расплавленного пластика. Да еще горелым мясом, словно из шашлычной, пахло.

Гибэдэдэшники и патруль ППС, оказавшиеся на месте происшествия через несколько минут, обнаружили чудовищную в своей нереальности картину: завалившуюся набок, слабо чадающую «шестерку», а в ней труп водителя, буквально выжженный изнутри. В днище и крыше машины были видны две округлые дыры, сантиметров по десяти в диаметре, с оплавленными краями. Словно жуткое огненное веретено пронзило машину насквозь, не пощадив попавшего на пути водителя, и бесследно исчезло.

– Смотри, – почему-то шепотом обратился позеленевший сержантик ППС к своему коллеге из ГИБДД, – у него... У него же одежда цела осталась! И крови ни капли, запеклась у трупа внутри. Вот это да! Молния, что ли, шаровая?

– Ага... – потрясенно кивнул тот. Здоровый румянец с его щек тоже куда-то делся. – Ой, не могу, держите меня трое, а то вырвет сейчас. Гос-споди, да что же это было такое? Прямо как в фильмах фантастических про инопланетян, где из плазмометов стреляют. В этом мужике что-то за секунду прожгло дыру. От задницы до макушки, насквозь. Точно мужик на раскаленный добела лом или пруток арматурный уселся. А одежда цела!

Мокрые мартовские снежинки лениво опускались на раскаленную крышу изувеченной автомашины, и ветерок сносил в сторону легкие струйки пара.

Глава 3

Замоскворечье всегда оставалось для полковника Гурова одним из самых любимых столичных районов. Сейчас Лев медленно шел по одной из центральных его улиц – Большой Ордынке – по направлению от Добрынинской площади к набережным.

Большая Ордынка – интересная улица, ей крупно повезло. На всем ее протяжении по обеим сторонам разбросаны особнячки посольств всякого рода экзотических стран третьего мира, типа Гвинеи-Биссау, Зимбабве, республики Чад и прочего в том же духе. То ли поэтому, – чтобы не позориться перед иностранцами-африканцами, – то ли еще по каким причинам, однако рекламная вакханалия и безвкусица новостроя совершенно не затронули Ордынку. Не была улица изуродована расплодившимися по всей Москве, словно бродячие шавки, «круглосуточными супермаркетами» самого преподобающего вида, и выглядела Большая Ордынка почти так же, как двадцать лет назад, а в чем-то сохраняла еще дореволюционную опрятность и респектабельность. После дурновкусия Арбата, Волхонки или Кузнецкого попасть сюда, в оазис доперестроечной Москвы – все равно что свежего воздуха глотнуть.

Небольшие двух-трехэтажные особнячки, многим из которых перевалило за сто с лишним лет, старые раскидистые липы, литые чугунные ограды... Красивая улица!

А вот раннюю московскую весну Гуров не жаловал за слякотную сырость, грязь, неустойчивость погоды. Вот и сейчас Лев недовольно поморщился: даже его Ордынка выглядела как-то неаккуратно. Снег, выпавший ночью, почти растаял, только вдоль тротуаров тянулись грязные серые полосы невысоких сугробов. Мартовское солнышко растапливало ледышки замерзших лужиц на асфальте тротуара, окружало их темными влажными кляксами. Гуров зябко поежился, застегнул куртку на верхнюю пуговицу и свернул направо, в Климентовский переулок, направляясь к Пятницкой.

Там, в небольшом заведении, которое при советской власти называлось бы закуской, в просторечии – забегаловкой, а теперь носило гордое имя «бистро», дожидался его Станислав Крячко. Между собой сыщики с доброй иронией называли экс-закусочную «трактиром на Пятницкой».

Они давно, еще в восьмидесятые, присмотрели это уютное местечко, где можно было вкусно и довольно недорого перекусить, а заодно и обсудить текущие дела. Есть-то в обеденное время операм-«важнякам» хочется так же, как и простым смертным. Персонал «бистро» тоже привык к ним, у друзей даже появился «свой», зарезервированный специально для них угловой столик.

Гуров кинул взгляд вправо. Вот она, знакомая пятиглавая церквушка со сквериком, в котором они со Стасом любили посидеть в хорошую погоду, потягивая пиво и неспешно делясь добытой в ходе очередного дела информацией, а затем придирчиво ее анализируя.

У сысского тандема Гуров – Крячко давно сложился свой собственный, устоявшийся стиль работы. На ранних этапах расследования друзья сыскарили поодиночке, нащупывали подходы к делу с разных сторон. Но непременно хоть раз в сутки старались встретиться и обсудить: что же каждый принес в клювике в общее гнездо? Такой подход показал свою высокую эффективность: друг друга они не стеснялись, обсуждение версий и возможных дальнейших оперативных ходов велось нелицеприятно, часто – в острых спорах. А в них, как известно, рождается истина, и ничто не помогает ее рождению так, как грамотная дружеская критика. Потом, когда дело близилось к завершению, особенно если завершение могло вылиться в силовые варианты, Лев и Станислав вырабатывали общую стратегию и действовали уже вдвоем, вместе, подстраховывая друг друга.

Вот в этом церковном скверике и проходили иногда такие послеобеденные оперативные совещания на двоих. Не все же в кабинете сидеть, на пленэре и думается как-то лучше.

Гуров вздохнул: сейчас на лавочке под кустом персидской сирени не посидишь, не тот сезон. Клумба перед церковью размокла, влажная земля была прихвачена тоненькой ледяной корочкой. Несколько мертвых прошлогодних астр и хризантем, обесцвеченных зимними морозами, смотрелись посреди клумбы печально и сиротливо, навевая мысли о бренности всего живущего.

Мутновато-голубое мартовское небо отражалось в полузамерзших лужицах, окруженных валиками ноздреватого, пропитанного водой снега. Порывы влажного ветра несли вдоль переулка редкие весенние снежинки, тающие на щеках Льва. Казалось, что их белые звездочки возникают прямо из сгустившегося воздуха. Гуров снова поежился, переложил небольшой кейс в левую руку, а озябшую правую спрятал в карман куртки.

Ага! А вот и страхолюдный крячковский «Мерседес» просматривается у тротуара.

Открыв дверь «трактира», Гуров направился к угловому столику, за которым «друг и соратник» усиленно работал челюстями.

– Привет, Лев, – поздоровался Крячко. – Голодный? Небось пельмени свои любимые возьмешь? Господи, все управление над твоей маниакальной любовью к этому блюду со смеху покатывается... Давай насыщайся, а потом о делах поговорим. Я думаю, что в управление торопиться не имеет большого смысла, а для прогулок на свежем воздухе погода не самая располагающая. Так что сядем в мой «мерс», тут стоянка бесплатная, не прогонят. Я печку включу, и будет нам с тобой уютно и хорошо, почище, чем в кабинете. И покурить можно, и дергать никто не будет.

Гуров кивнул. Прошли уже почти сутки с момента их последнего разговора в кабинете генерала Орлова. По выработанной вчера диспозиции, Крячко должен был свести знакомство с коллегами убитого журналиста в редакции радиостанции, обратив особое внимание на Татьяну Дубравцеву. А сам Лев решил посвятить утро среды тщательному обыску жилища убитого журналиста на предмет обнаружения «чего-нибудь, – по выражению генерала Орлова, – интересного» и опросу соседей Леонида Рашевского.

Сытые и довольные сыщики забрались в салон «мерса», обманув холодный мартовский ветер. Теперь можно было спокойно поговорить.

– По глазам вижу, – сказал Станислав, – ты принес в клювике что-то любопытное. Вот и начинай, а то у меня одни психологические этюды, аккурат в твоём стиле, правда, небезынтересные. Что ты обнаружил на хате у покойного журналиста?

– В том-то и дело, – с некоторым недоумением в голосе ответил Гуров, – что практически ничего не обнаружил. Как раз это меня настораживает. Давай-ка по порядку.

Обыск Гуров проделал качественный, по всем правилам. Но ничего сколько-нибудь связанного с профессиональной деятельностью Леонида Рашевского не нашел! Ни записных книжек в ящике стола и секретере, ни гранок, ни газетных вырезок... Ничего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.